

♠Annotation

Измена жениха. Сердечный приступ. И вот я уже в другом мире – в теле белокурой красавицы Лорейн Ревиль, которую после смерти отца братья оставили без наследства. У Лорейн есть немощная мать и трое маленьких племянников – детей сбежавшей из дома сестры. А еще – старая избушка да крохотный огород на краю деревни. Не так уж и мало, чтобы начать новую жизнь. Тем более, что в здешних лесах водится растение, поразительно похожее на наши огурцы. Вот только местные отчего-то не используют его плоды в пищу. Возможно, потому, что просто не умеют их готовить? И пусть все считают Лорейн безвольной неумехой, я не намерена сдаваться. Тем более, что рядом с нашим домом – заброшенное герцогское поместье, в оранжерее которого так удобно выращивать огурцы!

Огуречный бизнес попаданки

Пролог

Глава 1 (два месяца спустя)

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

♠Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28. Герцог Клермон

Глава 29

Глава 30

Глава 31. Герцог Клермон

Глава 32

Глава 33. Герцог Клермон

Глава 34

Глава 35. Герцог Клермон

Глава 36

Глава 37

Глава 38. Герцог Клермон

Глава 39
Глава 40. Герцог Клермон
Глава 41. Герцог Клермон
Глава 42. Герцог Клермон
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48. Герцог Клермон
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53. Герцог Клермон
Глава 54. Герцог Клермон
Глава 55

♠Глава 56

Глава 57. Герцог Клермон
Глава 58
Глава 59
Глава 60. Герцог Клермон
Глава 61. Герцог Клермон
Глава 62
Глава 63. Герцог Клермон
Глава 64. Герцог Клермон
Глава 65
Глава 66. Герцог Клермон
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71. Герцог Клермон
Глава 72. Герцог Клермон
Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Эпилог

♠Огуречный бизнес попаданки

♠Пролог

– Опять ты хрен добавляешь, – Соня, моя соседка по комнате, недовольно наморщила нос.
– Сережа любит именно с хреном, – улыбнулась я в ответ и положила в банку еще и дубовый лист. – Но специально для тебя я закатаю пару банок без него.
Мои консервированные огурцы обожало всё общежитие, и каждый сентябрь, начиная с первого курса, я делала заготовки не только для себя, но и для однокурсников. Со смородиновым и вишневым листом и укропом, с чесноком, с горчицей, с перчиком – у

меня были рецепты на любой вкус. Такие огурцы разве в магазине купишь? Такие умела готовить только моя бабушка. А от нее научилась и я.

– Посмотри за молоком на плите, – попросила я Соню, – сейчас суп сварю, обедать будем.

Готовить я не просто умела, но еще и любила. Я лишилась родителей, когда мне было тринадцать. А бабушка уже тогда сильно болела. Вот и пришлось мне осваивать кулинарию, чтобы кормить и себя, и ее. В тринадцать я научилась варить каши и жарить яичницу, в четырнадцать – тушить мясо и варить супы, в пятнадцать – печь торты и пироги. И с огородом я управлялась не хуже бабушки – свои картошка, огурцы и зелень были для нас большим подспорьем. «И кому только такая невеста достанется?» – вопрошали соседки и настойчиво пытались свести меня со своими сыновьями и племянниками. Но я так и не влюбилась ни в кого до самого второго курса университета.

Сергей Пахомов перевелся в нашу группу из другого вуза.

Высокий, темноволосый, а еще умный и начитанный. Нас с ним как-то сразу потянуло друг к другу. Но по-настоящему парой мы стали только через год – уже на третьем курсе. А сейчас, на четвертом, мы не могли дожидаться защиты диплома, сразу после которой собирались пойти в загс.

Софья послушно подошла к плите, но смотрела не на кастрюлю, а в телефон.

♣– Соня, молоко убежит! – крикнула я.

Подруга лениво поболтала ложкой и хмыкнула:

– Ты бы лучше за своим Сережкой так смотрела, как за молоком.

– Что? – не поняла я. – Ты о чём?

Мы с Пахомовым доверяли друг другу на сто процентов. Да и разве могло быть по-другому?

– Ну, до чего же ты наивная, Ларка! – умилилась Соня. –

Неужели, до сих пор не заметила, что на него Задорина глаз положила?

Сердце кольнуло, но я постаралась отогнать неприятные мысли.

– Ну, и что, что положила? Пусть себе облизывается на расстоянии.

– Задорина не из тех, кто просто облизывается. Она проглотит и не заметит. И я бы на твоём месте прямо сейчас поинтересовалась, чем твой Сереженька занят. Потому что пятнадцать минут назад, когда я возвращалась из магазина, мы с Кариной ехали в одном лифте. И она нажала на кнопку с цифрой пять.

Пятый этаж был мужским. И именно на нем находилась комната Сережи.

– У него завтра соревнования по волейболу. Он сегодня выспаться хотел, – я старалась говорить как можно уверенней, но голос всё-таки дрогнул.

– Значит, не пойдешь проверять? – не унималась Софья. –

Боишься разочароваться? А если нет, так пойдешь и пригласи его на обед.

Конечно, можно было просто позвонить, но я решила дойти до него сама – всего-то подняться на один этаж. Не потому, что засомневалась, а чтобы Соне доказать, что она не права.

Но дверь Сережиной комнаты мне открыла как раз Карина Задорина. Из одежды на ней была только футболка Пахомова, доходившая ей почти до колен. В нос ударил аромат дерзких дорогих

духов.

– Что ты здесь делаешь? И где Сережа?

Я могла и не задавать этот вопрос – ответ был очевиден.

– Сережа пошел в душ. Мы только-только выбрались из постели,

– Карина подошла к зеркалу и поправила помаду на припухших, должно быть, от недавних поцелуев губах. – А разве ты не знала, что мы теперь с ним вместе?

♣Учитывая, что Соня видела ее в лифте только четверть часа назад, я хотела сказать, что они как-то слишком быстро накувыркались в постели. Но не смогла – снова предательски закололо сердце. Сил хватило только на то, чтобы выдохнуть:

– Ты врешь!

– Неужели ты думала, что он на самом деле на тебе женится? – Задорина посмотрела на меня с удивлением. – Что ты можешь ему предложить? Вам же придется мыкаться по чужим углам еще лет десять прежде, чем вы соберете на первоначальный взнос по ипотеке. А мне папа после защиты диплома обещал квартиру подарить – в самом центре Питера, между прочим.

Парировать мне было нечем. Даже самые лучшие борщи и пироги не могли конкурировать с элитной недвижимостью.

– Лара? – услышала я голос Сергея за спиной.

Пахомов стоял в коридоре с мокрой головой и полотенцем на плече. На его обычно светлой коже проступили красные пятна.

– Когда ты собирался мне о ней рассказать? – спросила я.

Но ответил не он, а Задорина:

– Наверно, после защиты диплома, который ты обещала за него написать.

Я вздрогнула. Да, я иногда писала за него контрольные и курсовые – потому что тренировки и соревнования отнимали у него слишком много времени.

Наверно, я побледнела, потому что Сергей резко велел:

– Карина, замолчи!

Но было уже поздно – в глазах потемнело, и я, держась за стену, стала медленно оседать на пол.

– Валидол! Есть у кого-нибудь валидол? – Пахомов уже кричал.

– У нее больное сердце! Да вызови же скорую, дура!

Моей последней мыслью в этом мире была мысль об огурцах – о том, что я разложила их по банкам, но рассолом так и не залила.

♣Глава 1 (два месяца спустя)

– Поскольку шевалье Ревияль не оставил завещания, всё его недвижимое и сопряженное с ним имущество в соответствии с Кодексом законов Арвитании переходит к его старшему сыну Даррену, – нотариус перевернул хрустевшую под его пальцами бумагу и посмотрел на собравшихся поверх золоченых очков. – А вот денежные средства, находящиеся на счете в банке Томпсона (коих оказалось двести пятьдесят золотых) делятся поровну между всеми наследниками мужского пола. То есть, каждый из двоих сыновей покойного получит по половине указанной суммы.

Он замолчал. А мы еще ждали чего-то. И я, и старшая сестра Гертруда, и матушка Табита. Ведь не могло же так оказаться, что нас оставили совсем ни с чем. У шевалье Ревияля были не только сыновья, но и жена, и дочери.

И хотя я уже успела понять, что в Арвитании женщины не имеют почти никаких прав, всё же надеялась, что хотя бы в родной семье мы можем на что-то рассчитывать.

— А как же мы, сударь? — не выдержала Гертруда. — На что будем жить мы?

Она была вдовой и после смерти своего разорившегося мужа вынуждена была вернуться в отцовский дом с тремя детьми. И беспокоилась сейчас не о себе, а о них.

Нотариус развел руками:

— Вы же слышали, сударыня — этот дом и поместье теперь принадлежат вашему брату. Возможно, он позволит вам тут остаться.

А Даррен уже суетился вокруг гостя, предлагая ему отобедать или выпить на дорожку. Но тот отказался, и брат отправился его провожать.

Я посмотрела на матушку, которая притулилась у самого края стола. По ее морщинистым щекам катились слёзы. Она много лет создавала уют в этом доме, но теперь уже не была тут хозяйкой. Высокая худощавая Чарис — жена Даррена — велела горничной накрывать на стол. И вскоре из принесенной с кухни супницы понесся

▲по всей столовой запах свежего сырного супа, от которого у меня заурчало в желудке.

— Надеюсь, всё останется так же, как и было при жизни отца? — спросила Гертруда.

— Не думаю, дорогая, — откликнулась Чарри. — Ваш отец вел себя неразумно и лишился того влияния в обществе, которое когда-то имел. Мы с Дарреном хотим это исправить. Простите, матушка, — обернулась она в сторону Табиты, — за то, что вынуждена это сказать. Наверно, вашему мужу было всё равно, как к нему относилось общество, но для нас с Дарреном это важно. Наши сыновья уже взрослые, и нам хотелось бы, чтобы они нашли себе жен в дворянских семьях. А это будет возможно, только если мы изменим наш образ жизни.

При жизни шевалье Ревияля она не решилась бы сказать ничего подобного. Я сама была знакома с ним не больше месяца, но даже за столь короткое время успела понять, что он был благородным и мудрым человеком. Было искренне жаль, что вместе с поместьем Даррен не унаследовал и черты характера своего отца.

По мнению Даррена и его жены месье Ревияль однажды совершил страшную ошибку — много лет назад он влюбился в дочь крестьянина Табиту и ради этой любви пожертвовал своим положением в свете. Когда он женился на любимой, общество отвернулось от него, и двери многих домов, где его прежде привечали, оказались для него закрыты навсегда.

Я, как и остальные члены семьи, присутствовала при кончине Карла Ревияля, и на смертном одре он сказал, что никогда не жалел о своем решении и что его собственная семья всегда была для него важнее, чем мнение чужих людей.

Вот только Даррен и Чарис думали по-другому.

— И что это значит, Чарри? — испугалась Гертруда.

— Что вам придется покинуть наш дом, — невестка воинственно вскинула голову и оглядела всех нас. — У вашей матушки есть домик в деревне, вы можете поселиться там. Мне жаль говорить вам это, но ничего другого не остается. Наши соседи не станут наносить нам

визиты и звать нас к себе в ответ до тех пор, пока здесь находится Табита. Вы сами знаете, матушка, что они никогда не сочтут вас ровней себе.

▲Табита не возразила ей ни словом, только отвернулась к окну, чтобы никому не показывать своих слёз.

— Не смей так говорить! — не выдержала я. — От того, что матушка уедет из этого дома, твой муж не перестанет быть ее сыном. Я плохо разбиралась в местных законах. Но помимо того, что было прописано в кодексах, были еще и другие законы — законы чести и доброты.

— Лорейн права! — поддержала меня Гертруда. — В наших жилах течет такая же кровь, что и в жилах Даррена. Я услышала шорох и посмотрела в сторону дверей. Брат старался остаться незамеченным, но его выдала тень. Это было так подло и трусливо, что мне стало не по себе. Он не осмелился сам бросить в лицо матери и сестер все эти мерзкие слова, предпочтя, чтобы их высказала нам его жена.

— Ты забываешь, дорогая, что твой муж был обычным торговцем, — усмехнулась Чарис. — И в твоих детях дворянской крови еще меньше, чем в тебе самой. И ваш отец был вовсе не богат. Оставленных им денег едва хватит на то, чтобы сделать ремонт в гостиной, столовой и бальной зале, где мы намерены принимать гостей. И мы не обязаны содержать твоих сыновей и дочь — у нас есть собственные дети, мы должны думать об их интересах.

— Пусть так, — согласилась Гертруда. — Возможно, я и матушка не заслуживаем вашей доброты. Но ты должна позволить остаться здесь хотя бы Лорейн. Она еще очень молода и может выйти замуж за достойного человека. Клод Дэвис любит ее, и его семья достаточно уважаема в обществе. Надеюсь, с этим ты спорить не станешь?

— Хорошо, — после некоторых раздумий кивнула Чарис. —

Лорейн может остаться здесь до свадьбы.

Гертруда бросила на меня подбадривающий взгляд. Она была рада, что позаботилась хотя бы обо мне.

Вот только я бы предпочла, чтобы она не вспоминала о Клоде Дэвисе. Потому что это был не мой жених. Это был жених настоящей Лорейн Ревиль, в тело которой я попала два месяца назад.

Как это случилось, я не знала. Как не знала и что произошло с самой Лорейн. Я просто очнулась в ее теле, когда оно лежало у подножия высокой парадной лестницы в этом доме. И теперь в моей голове боролись друг с другом мои собственные воспоминания и

▲воспоминания этой белокурой девочки, чье имя я вынуждена была носить. И как же непросто было во всем этом разобраться!

— Лорейн! — Даррен, наконец, решился обнаружить свое присутствие и переступил через порог. — Прибыл Клод Дэвис! Он ждет тебя в гостиной. Поторопись! И если он заговорит о свадьбе, то не смей ему возражать. Уверен, что наш отец не захотел бы, чтобы вы откладывали церемонию из-за того, что срок траура еще не истек. Для всех будет лучше, если ты выйдешь замуж как можно скорей.

— Она это понимает и сама, дорогой, — улыбнулась Чарри. — Этот молодой человек такой авантюрист, что перед ним невозможно устоять. Вы будете прекрасной парой, Лора!

Я стиснула зубы и заставила себя промолчать. Но в гостиную я

направилась с твердым намерением отказать Клоду Дэвису, если он вздумает заговорить о свадьбе.

Вот только делать этого мне не пришлось. Потому что Клод разорвал помолвку сам.

▲Глава 2

Жених Лорей Клод Дэвис был среднего роста, светловолосым и обычно улыбочивым — это уже даже я успела заметить. Но на этот раз он отчего-то был хмур.

— Нам нужно поговорить, Лора, — тон его не сулил ничего хорошего.

Я кивнула и хотела закрыть дверь в гостиную. Но вовремя спохватилась. Нравы здесь были совсем другими, и незамужняя девушка не должна была уединяться с мужчиной.

— Говори!

Я была голодна и утомлена разговором и с нотариусом, и с Чарис, и предпочла бы сесть в кресло у камина. Но Клод стоял в центре комнаты как мраморное изваяние, и я встала в двух шагах напротив него.

— Даже не знаю, с чего начать, — замялся он. — По дороге из города мы с отцом встретил господина нотариуса, когда тот ехал от вас. Он сказал, что всё досталось Даррену. И дом, и деньги, и земля. Надеюсь, он хотя бы не откажется дать тебе приданое, которое тебе обещал отец.

Так вот, что его беспокоило — мое приданое! Он пришел, чтобы я успокоила его! Но я не могла, да и не собиралась этого делать.

— Нет, — я покачала головой, — он не даст за мной ничего. У него свои дочери на выданье.

Клод еще больше помрачнел. Он переминался с ноги на ногу и молчал. Словно должен был что-то сказать, но не решался этого сделать. И я сказала это за него сама:

— Ты не женишься на мне, если у меня не будет приданого. Так? Он выдохнул:

— Я бы женился, если бы не отец! Ты же знаешь, Лора, как я люблю тебя! Но отец мне не позволит! Он и так был против нашего брака, — тут он смутился, не осмеливаясь произнести причину недовольства отца. Но я знала ее и сама — неблагородное происхождение матери Лорейн. — Мне удалось убедить его, когда

▲шевалье Ревиль сказал, что даст за тобой пятьсот золотых. Он говорил, что положил эти деньги в банк и не станет их тратить! Пятьсот золотых! Те самые пятьсот золотых, что теперь будут разделены между братьями Лорейн! Значит, на самом деле они предназначались ей самой! Возможно, шевалье собирался сделать соответствующие распоряжения в завещании, но не успел. А быть может, он сказал свою волю Даррену и понадеялся, что тот выполнит ее безо всяких нотариально заверенных бумаг? Я бы не удивилась, если бы это было именно так.

— Ты расторгаешь помолвку? — уточнила я.

— Я не хотел бы, но...

— Расторгаешь? — я была настойчива.

Он кивнул. Теперь он не решался посмотреть мне в глаза. Должно быть, он ожидал от меня слёз, а то и истерики.

А я облегченно вздохнула. Правда, постаралась сделать это так,

чтобы он не заметил. Я совсем не хотела за него замуж. Хотя настоящая Лорэйн наверняка хотела – Клод был видным парнем. Вот только я была не она!

Я вернулась в столовую, когда супницу уже унесли. Но я еще успела ухватить кусочек куриного мяса и немного тушеных овощей.

– Что сказал Клод? – Чарис сгорала от любопытства.

И я удовлетворила его сполна.

– Он расторг помолвку!

Гертруда охнула и погладила меня по плечу. Даррен нахмурился.

А по лицу Чарри пошли красные пятна.

– И ты позволила ему это сделать? – возмутилась она. – Ты должна была воззвать к его совести и заставить выполнить обещание. Вы были помолвлены, и у него есть определенные обязательства перед тобой. Он не может не понимать, что своим решением ставит тебя в неловкое положение! Что станут говорить в обществе?

Меня мало волновало то, что будут говорить в обществе, но если бы я произнесла это вслух, она бы меня не поняла.

– В твоём возрасте у меня были уже двое детей! – сказала она.

– Пройдет еще пара лет, и в твою сторону не посмотрит ни один уважающий себя мужчина. Ты так и останешься старой девой, несмотря на всю свою красоту. А всё потому, что твой отец отвергал всех женихов, которые к тебе сватались. Один казался ему

▲недостаточно благородным, другой – не слишком умным. Ты как младшая дочь была его любимым ребенком. Он считал, что ты заслуживаешь лучшего. А теперь ты останешься ни с чем и вынуждена будешь выйти замуж за какого-нибудь мельника или кузнеца, – она содрогнулась при этой мысли.

И кажется, не только она, потому что ее муж помрачнел еще больше.

– Если вы позволите Лорейн остаться в вашем доме, у нее будет больше шансов выйти замуж за достойного человека, – тихо сказала матушка. Она впервые за этот день подала голос, и едва это случилось, все остальные как по команде замолчали. – Даррен, я не прошу ни за себя, ни за Гертруду, но позаботься хотя бы о своей младшей сестре!

А вот теперь я едва не расплакалась. Я потеряла родителей восемь лет назад, а пять лет назад умерла бабушка. И я даже сама не понимала до этого момента, как сильно я нуждалась в простом человеческом участии – в добром слове, ласковом взгляде, простом пожатии руки.

Я заметила, что Даррен и Чарис переглянулись. Наконец, Чарри кивнула, и ее муж сказал:

– Хорошо, матушка. Лорейн может остаться у нас.

Он кинул подачку с барского плеча и теперь явно ожидал от меня благодарности. И все сидевшие за столом смотрели сейчас в мою сторону.

Я отложила приборы, поднялась из-за стола и поклонилась старшему брату.

– Даррен, Чаррис, благодарю за доброту! Но вынуждена отказаться от вашего любезного приглашения. Я уже приняла решение – я поеду с матушкой и сестрой.

Мне невыносимо было думать, что я останусь в этом душном доме среди людей, для которых важнее всего было мнение спесивого, жестокого к слабым общества. Нет, я не хотела иметь с ними ничего общего. Они прекрасно могли обойтись и без меня.

А вот на другой стороне весов находились те, кому я была понастоящему нужна. Те, кто мог дать мне гораздо больше, чем богатый дом и нарядные платья – тепло, любовь, заботу.
– Ну, что же, сестра, – хмыкнул Даррен, – ты сделала свой выбор. Надеюсь, ты не станешь о нём жалеть.

▲– И раз уж у нас зашел об этом разговор, – вмешалась Чарри, – то сообщаю вам, что вы должны покинуть поместье завтра после обеда. Полагаю, вам хватит вечера и половины следующего дня, чтобы собраться.

Матушка всхлипнула, а Гертруда охнула. А я заметила, как на губах невестки мелькнула улыбка. Она добилась своего и теперь торжествовала.

– Ты дашь нам хотя бы немного денег, Даррен? – спросила Гертруда.

И в комнате повисла тишина.

▲Глава 3

Разумеется, никаких денег он нам не дал. Напротив, еще пожаловался на то, что после отца остались некоторые долги, которые теперь придется погашать именно ему.

А Чарис снизошла до того, что велела кухарке дать нам что-нибудь из старой кухонной утвари. Да еще великодушно разрешила нам забрать с собой наши собственные вещи. Впрочем, формально она была права – ничего нашего в поместье Ревилей уже не было.

Но сполна воспользоваться ее щедростью мы всё равно не могли

– Даррен сказал, что в деревню нас отвезет его карета. А выделить нам еще и телегу для доставки поклажи он не мог – все лошади были заняты на сельскохозяйственных работах. А это значило, что с собой мы должны были взять только тот минимум вещей, который мог поместиться на крыше или в багажнике кареты.

Сначала я занялась сбором своей одежды. У Лорейн было немало платьев, но большинство из них прекрасно подходило для прогулок по саду или нанесения визитов, но решительно не годились для деревенской работы. А потому в первую очередь я положила в сундук теплое платье из плотной шерстяной ткани (в таком не холодно будет зимой), пару легких платьев неброских («немарких», как говорила моя бабушка) цветов, а потом, не удержавшись, добавила туда еще два нарядных платья.

Поверх платьев я уложила изрядное количество сорочек и панталон (они были тонкими и занимали совсем мало места), теплую шаль, шерстяной плащ с капюшоном, низенькие, отороченные мехом сапожки. А вот с туфлями вышла засада. Вся летняя обувь Лорейн состояла из нескольких пар тряпочных (бархатных и атласных) туфелек, большая часть которых была стоптана до дыр. В деревне от такой обуви не было никакого толка, но я всё-таки взяла те из них, что были целее.

В комнате Лорейн были и книги, но я, хоть и не без сожаления, не взяла ни одну из них. А вот писчими принадлежностями не пренебрегла, уложив в сундук все листы писчей бумаги, какие смогла найти, и несколько отточенных гусиных перьев. Чернила я тоже взяла,

▲только класть склянку в сундук я не стала, побоявшись, что в дороге они прольются и испачкают одежду.

Разобравшись с гардеробом, я отправилась на кухню. Кухарка Корнелия встретила меня с распростертыми объятиями.

– Да как же вы, голубушки, станете в деревне-то жить? – запричитала она, и из глаз ее покатились крупные слёзы. – Да что же вы такими рученьками-то делать там сможете? Матушка ваша, конечно, оттуда родом, да только сколько лет-то прошло с тех пор, как она стала женой господина Ревияля. Она уж, поди, напрочь всё позабыла. Да и родители госпожи Табиты умерли много лет назад, и с тех пор в том доме никто не жил. Может, у него и крыша давно провалилась.

Мне стало дурно от этой мысли. Я надеялась, что хотя бы дом находится в пригодном для проживания состоянии.

– Разве матушка не бывала там с тех пор?

– Разумеется, не бывала, – подтвердила Корнелия. – С чего бы жене шевалье ездить в какую-то деревню? Ей следовало вести себя особенно благоразумно.

– Так, может, там и вовсе нет никакого дома? – испугалась я. – Мы приедем туда, а там только заросшая травой земля.

– Всякое может быть, – снова кивнула кухарка. – Но если вдруг такое случится, то полагаю, мадемуазель, вам следует вернуться назад. Господин Даррен, каким бы он ни был, всё-таки не чудовище. Уж если у вас не будет крыши над головой, то всяко он не откажется пустить вас в дом.

Она готова была давать мне советы и дальше, но день уже клонился к вечеру, и нам следовало заняться делом.

– Ее милость разрешила отдать вам старый кухонный скарб, но не больше, чем поместится вон в тот сундук.

Я посмотрела в ту сторону, куда она указала. Стоявший у печи сундук был совсем небольшим, а потому местом в нём тоже следовало распорядиться разумно.

На кухне было много всякой посуды: и глиняной, и деревянной в том числе. Но я подумала, что подобную посуду мы сможем найти и в деревне. Кроме того, глиняная посуда могла сломаться по дороге. А вот металлическая – другое дело.

♣Я выбрала средних размеров чугунок и медный котелок, большую и маленькую сковороды и такие же ножи. Корнелия заметила, что я чурась глиняной посуды и посоветовала всё-таки ее взять.

– Я заверну ее в старые полотенца, мадемуазель. Внутри чугунка и котелка много пустого места, и туда можно положить несколько глиняных кружек и деревянных ложек.

Так мы и поступили. Я взяла еще старый половник, скалку, сито и с десятков тарелок разной глубины. А вот вилок на кухне не было – ни старых, ни новых. Слуги обходились ложками, а столовые приборы из серебра, которыми пользовались хозяева, хранились в отдельной кладовой.

Сундук был наполнен до краев. Корнелия закрыла его и пообещала строго-настрого наказать слугам, которые понесут его в карету, обращаться с ним бережно.

Был уже поздний вечер, но когда я возвращалась в свою комнату и шла по темному коридору, я увидела тонкую полоску неяркого света, выбивавшуюся из-под дверей комнаты матушки Табиты. Я тихонько постучала и, получив разрешение, вошла.

Табита сидела рядом с почти пустым сундуком, а вокруг нее на

кровати были разложены вещи, с которыми, судя по всему, ей было трудно расстаться. Здесь был портрет Карла Ревияля, написанный не меньше двадцати лет назад. И пачка старых писем, перевязанных пурпурной лентой. И много предметов, связанных с вышиванием – разноцветных ниток, пялец, иголок и ножниц.

Матушка выглядела растерянной и расстроенной. Ей хотелось взять с собой не только свои вещи, но и то, что напоминало ей о покойном муже. Но уместить всё в одном сундуке было сложно. Сначала я хотела посоветовать ей взять только то, что действительно могло пригодиться, но потом посмотрела на ее заплаканное лицо и передумала. Я просто помогла уложить всё это в сундук как можно аккуратней. Она забыла про теплую одежду, и я сама нашла ее.

Заглянула я и в комнату сестры. Труднн тоже едва не плакала от досады. Ее сундук уже был полон, но когда я посмотрела, что она положила туда, то я не знала, стоило ли мне расплакаться вместе с ней или рассмеяться.

▲ Там была большая шляпная коробка, светлые шелковые платья, альбомы для рисования и краски.

– Ты не можешь взять это с собой! – сказала я и решительно вытащила из сундука шляпную коробку.

– Не могу? – искренне удивилась она. – Отчего же? Эту коробку не стоит запихивать в сундук – там она может помяться. Я буду держать ее в карете на коленях.

– Что ты станешь носить, когда наступят холода? – спросила я.

– Холода? – переспросила она.

А я впервые задумалась о том, бывает ли здесь зима. Но если бы в Арвитании ее не было, то тогда для чего Лорейн нужны были сапожки с мехом.

Обсудить с Гертрудой эту тему мы не успели – по подъездной аллее под окнами процокали копыта лошади, и сестра бросилась к окну.

– Это же Норман! – воскликнула она и захлопала в ладоши. – Как хорошо, что он приехал! Он непременно что-нибудь придумает! Ты понимаешь, Лора? Возможно, нам не придется уезжать в деревню!

▲ Глава 4

Нормана Ревияля, еще одного брата Лорейн, я не видела ни разу. Он служил в военной академии в другой части страны и не смог приехать даже на похороны отца. К тому моменту, как его известили о кончине отца, тело Карла Ревияля, уже было предано земле. Здесь, в Арвитании, еще не изобрели телеграф, и письма доставлялись с помощью обычной и довольно медлительной почты.

Судя по воспоминаниям Лорейн, Норман многим отличался от старшего брата – он был добрым и приятным молодым человеком. Поэтому я не удивилась тому, что Гертруда связывала с его приездом столько надежд.

Мы пришли в гостиную одновременно с Дарреном и Чарис. А спустя мгновение в комнату вошел и сам Норман.

Даже не зная я о том, чем он занимался, я угадала бы в нем военного – по той особой выправке, которая отличала людей этого рода службы. Он был среднего роста, с поджарой фигурой и волосами каштанового цвета.

Он обнял каждого из нас. И для каждого нашел доброе слово.

— Ты расцвела еще пуще прежнего, Лора! — сказал он, когда очередь дошла до меня.

— Только это ей не сильно помогает, — хмыкнула Чарис. —

Сегодня ее жених Клод Дэвис разорвал помолвку.

Я метнула в ее сторону сердитый взгляд, а Норман спокойно ответил:

— Ну, что же, значит, этот молодой человек не слишком умён и нам не следует сожалеть о том, что это случилось. Уверен, Лорейн найдет кого-то гораздо более достойного.

Чарри демонстративно закатила глаза, но промолчала.

— Надолго ли ты приехал, братец? — спросила Гертруда. —

Матушка, должно быть, уже легла спать, но я сейчас ее разбужу.

Но Норман удержал ее:

— Не нужно ее беспокоить. Мы поговорим с ней утром.

Увольнительную мне дали на неделю, но поскольку в дороге я провел

▲два с половиной дня и столько же мне потребуется на дорогу обратно, я смогу побыть тут не более двух дней.

— Стоило ли проделывать такой путь ради одной ночи в родном доме? — хмыкнул Даррен.

— Мне хотелось вас повидать. К тому же я должен навестить могилу отца. Я не смог присутствовать на его похоронах, но мне хотелось бы, чтобы он знал, что я чту его память. А еще нотариус извещил меня о том, что мне причитается некоторая сумма денег. Он не стал лукавить и честно сказал и об этом.

— Да-да, — откликнулся Даррен, — об этом я тоже хотел с тобой поговорить. Мне кажется, для всех будет лучше, если ты не станешь тратить эти деньги попусту.

Гертруда сразу напряглась и хотела что-то сказать, но Норман сжал ее руку.

— Я сумею распорядиться ими разумно, дорогой Даррен! Я давно уже не тот мальчишка, которым ты, должно быть, меня помнишь. Но давай пока не будем говорить об этом. Я устал с дороги и был бы признателен, если бы вы позволили мне утолить голод.

— Я распоряжусь, чтобы тебе подали холодные закуски, — сказала Чарри и взяла в руки колокольчик.

Даррен действительно валился с ног от усталости, и как Гертруде ни хотелось с ним поговорить (а она намеревалась сделать это раньше, чем Даррен склонит его на свою сторону), ей пришлось отложить разговор до утра.

И разговор этот состоялся в комнате матушки Табиты. В присутствии младшего сына матушка словно помолодела на несколько лет — ее глаза сияли, а на губах то и дело мелькала счастливая улыбка.

— Даррен велел нам убираться из этого дома, — сообщила Гертруда. — И мне, и матушке, и даже Лорейн. Да-да, я знаю, что дом теперь принадлежит ему, и он может делать тут всё, что пожелает, но как можно выставить на улицу родную мать и сестер? Ты просто обязан с ним поговорить!

Она смотрела на него с надеждой, но он покачал головой.

— Это ничего не даст, Труды! Ты же знаешь, что мы с ним не сильно ладим друг с другом. С чего бы ему меня слушать? К тому же это решение принято не им одним. А Чарис всегда была слишком злобной и жадной, чтобы кого-то жалеть.

♣— Пусть так, — согласилась сестра. — Тогда, быть может, ты возьмешь нас с собой? Я слышала, что Лас-Варас, в котором находится твоя академия, очень красивый город. И жить там будет куда приятнее, чем в грязной деревне.

Так вот какой был у нее план! Но у него было слишком много изъянов, чтобы Норман мог с ним согласиться, и я удивилась, что она не понимала этого сама. Впрочем, брат быстро сказал ей об этом.

— Не думаю, что это возможно, дорогая Труды! — вздохнул он. — Мне хотелось бы вам помочь, но путешествие в Лас-Варас трудно назвать приятным. Я проделываю это путь за два с половиной дня верхом на хорошей лошади. Вам же для этого потребуется минимум неделя, и боюсь, поездка по ужасным дорогам окажется для матушки и твоих детей непосильной. А поскольку сам я должен вернуться в академию к строго назначенному сроку, я не смогу вас сопровождать. И это путешествие слишком дорогое, чтобы мы могли его себе позволить. А ведь потребуются еще деньги, чтобы снять в Лас-Варасе квартиру.

Пока он говорил, лицо Гертруды мрачнело всё больше и больше.

— Но ты же получишь сегодня целых двести пятьдесят золотых!

— напонила она. — Разве этого не хватит?

Мне было искренне жаль ее, но она сама должна была догадаться, что у молодого мужчины могли быть на эти деньги свои планы, и он вовсе не обязан был тратить их на нас.

— Если мы распорядимся ими именно так, как ты предлагаешь, то их хватит только на короткое время, — ответил он. — А что мы станем делать потом? Лас-Варас почти такой же дорогой город, как и столица.

— Но ты скоро закончишь академию, — упорствовала сестра, — и будешь получать жалование.

— После выпуска я получу самый низший чин, и мое жалование будет невелико, его никак не хватит на семерых. А вот если я куплю патент на чин офицера повыше, то смогу быстрее продвинуться по службе и потом уже постараюсь вам помочь.

— Купишь патент? — переспросила Гертруда. — И много ли денег на него потребуется?

— Боюсь, что всё, что я сегодня получу, — брат окончательно разбил ее надежды.

А прежде, чем она успела сказать что-то еще, вмешалась матушка.

♣— Разумеется, ты должен купить этот патент! — заявила она без тени сомнений. — Ты заслуживаешь хорошей офицерской должности, но вряд ли сможешь получить ее просто так, учитывая твое происхождение, — темные мутноватые глаза ее снова заволокли слезами. — Простите, мои хорошие, что именно я оказалась вашей матерью и так вас подвела!

Мы дружно бросились ее обнимать и заверять, что она ни в чём не виновата. И после этого даже Гертруда не решилась уже возобновить прежний разговор.

А потому после обеда (довольно сытного, почти праздничного) карета для нас была подана ко крыльцу, и слуги водрузили на нее все наши сундуки. Предстоящее путешествие радовало только моих племянников, и они сели на лавки с радостным гвалтом.

Норман помог подняться в карету матушке, а она еще обернулась и долго смотрела на дом, который вынуждена была оставить,

возможно, уже навсегда. Гертруда всё-таки притащила в карету свою шляпную коробку и сжимала ленту, которой та перевязана с такой силой, что едва ее не порвала.

А когда в карету села я, к ней подошла Корнелия с кувшином в руках.

– Возьмите, мадемуазель! Я подумала, он тоже может вам пригодиться.

Эта забота была столь трогательна, что я не удержалась и расплакалась.

Стоявший на крыльце Даррен недовольно хмыкнул и подал кучеру знак трогаться. Карета медленно покатила по ведущей к воротам аллее.

▲Глава 5

За всё то время, что я провела в Арвитании, я ни разу не выезжала за пределы поместья Ревиаблей, а потому сейчас смотрела в окно кареты с большим любопытством. Собственно, в окно сейчас смотрели только я и дети. Матушка Табита, закрыв глаза, дремала, прислонившись к плечу Гертруды. А сама Гертруда сидела, буравя взглядом шляпную коробку, которую по-прежнему держала в руках.

– А что находится за тем лесом, мама? – спросила восьмилетняя Стефани.

Но Труды даже не услышала ее вопрос – так была поглощена своими мыслями. За нее ответил старший сын Ален.

– Там будет река со старым деревянным мостом, а за ней начинается уже другое герцогство – Клермон.

– Там есть горы? – еще больше заинтересовалась его сестра. – Или даже море?

В поместье Ревиаблей была книга о географии Арвитании, и я постаралась изучить ее как можно подробнее. Да, горы в герцогстве Клермон действительно были (пусть и не очень высокие), а вот моря там не было.

Мы въехали в лес, и пейзаж за окном стал более однообразным – по обеим сторонам дороги росли высокие деревья, похожие на наши дубы, кедры, сосны. Наверняка здесь должны были водиться и грибы, и ягоды, и полезные травы. А учитывая, что денег у нас почти не было, такой подножный корм стал бы большим подспорьем.

Мне было интересно, был ли похожий лес в той местности, куда мы направлялись. И я спросила об этом матушку Табиту, когда та открыла глаза.

– Да, дорогая, лес там есть. Когда я была еще ребенком, мы с братом часто собирали там землянику и разные грибы, из которых наша мать варила вкусный суп.

В этом вопросе мы могли положиться только на нее. Я понятия не имела, какие ягоды и грибы здесь росли и какие из них можно было употреблять в пищу, а какие были ядовитыми. Память Лорейн ничего мне не подсказала – у дочери благородного шевалье не было

▲необходимости ходить с корзинкой по лесу. Ничего не знала про растения и Гертруда. Похоже, во всём придется разбираться на собственном опыте.

После пары часов пути дети захотели есть, и Табита достала из приготовленной Корнелии корзинки пироги с мясом и рыбой.

Корзинка была немаленькой, но я понимала, что этого провиант

надолго не хватит.

Помимо одежды и утвари, мы везли с собой еще и небольшой мешок с продуктами на первое время – там были мука, крупа, немного овощей и вяленого мяса. О столь щедром подарке Чарис сообщила нам утром за завтраком. По ее мнению, этого должно было хватить на несколько дней, а уж дальше нам следовало покупать продукты у кого-то из местных. На что мы должны были их покупать, она не уточнила.

Хотя у нас был с собой и кошель с серебряными монетами, которые у Табиты остались с тех времен, когда еще был жив Карл Ревияль. Но ведь нам нужны были не только продукты, а и постельное белье, и семена для огорода, и многое другое. Как купить всё это на столь малые средства, я не представляла.

—

Как
называется
наша
деревня?

—

продолжала

любопытствовать Стефани. – Там красиво? Там есть лошадки?

– Она называется Шатель, дорогая, – сказала Табита. – Когдато она казалась мне очень красивой – тогда мне было примерно столько же лет, сколько сейчас тебе. Но с тех пор многое изменилось, и я боюсь, что вы будете разочарованы.

– А дом? – вмешалась я. – Дом там большой? И сколько лет в нём уже никто не жил?

Табита сейчас была куда разговорчивей, чем обычно – словно в присутствии Даррена и его супруги у нее отнималась речь, и теперь, вырвавшись на свободу, она торопилась вдоволь наговориться.

– С особняком Ревиялей он, конечно, не идет ни в какое сравнение, но в нём есть кухня, кладовые и несколько комнат. А пустым он стоит уже не меньше десяти лет – с тех пор, как умер мой старший брат, что был там прежде хозяином. А еще там много хозяйственных построек – брат держал овец и коз. Но я давно там уже не была, тау что многого не знаю.

♣Гертруда не принимала никакого участия в нашем разговоре. Сама мысль, что мы едем в деревню, внушала ей ужас. Интересно, умела ли она что-то делать своими руками?

До Шатель мы добрались только к вечеру. Сумерки уже сгустились, и всё, что мы увидели, когда возница остановился, были темные очертания какого-то дома.. И даже просто добраться до него сейчас оказалось невыполнимой задачей. Участок вокруг дома зарос травой, и я не решилась нырнуть в нее, боясь наступит на злею. Да и что нас ждало в доме, где никто не жил уже больше десяти лет? Сырость? Плесень? Провалившаяся крыша? Всё это лучше было изучать на свету.

Я ругала себя за то, что не подумала об этом раньше. Хотя меня оправдывало то, что я не знала, сколько часов потребуется на дорогу. Но всё равно должна была догадаться, что выехать из поместья Ревиялей нам следовало на рассвете, а то и ночью, чтобы еще засветло добраться до деревни. И почему об этом не подумала матушка, я не знала.

— Это наш дом? — удивилась Стефани. — Но почему никто не зажжет тут свечи? И где мы будем спать?

Это был хороший вопрос. Ответить на него помог возница.

— Если изволите, ваша милость, — обратился он к Табите, — то я могу отвезти вас к своей двоюродной сестре, что живет на другом конце деревни. Я потому и вызвался поехать сюда, что хотел ее навестить. Но не знаю, устроит ли вас ночлег на сеновале.

При этих словах он заметно смутился.

— На сеновале? — охнула Гертруда. — Что ты такое говоришь?

Но я подергала ее за рукав, призывая к молчанию. Ночь была теплой, и ночлег на сеновале жилого дома, где нас могли еще и накормить, был куда лучше ночлега на улице. А потому я велела кучеру везти нас к его кухне.

На месте мы оказались через десять минут. Хозяйка явно уже спала, потому что после нашего стука она вышла на крыльцо с таким сонным видом, что мне стало ее жаль. Начиналась посевная, и бедняжка наверняка трудилась в поле с раннего утра и до поздней ночи.

— Ваша милость??? — изумилась она, когда разглядела, кто к ней приехал.

♣Но брат быстро привел ее в чувство:

— Ее милости с семейством требуется место для ночлега. Я сказал, что ты не откажешься пустить их к себе на сеновал. Хозяйка кивнула и повела нас к высокому сараю, что стоял за домом.

— Я не пойду ни на какой сеновал! — возмутилась Гертруда. — Я не привыкла спать на сене!

Я усмехнулась. Похоже, моя сестричка еще не понимала, куда попала. Но объяснять ей это сейчас я не собиралась. Я валилась с ног от усталости, и когда через несколько минут я опустилась на душистое сено, то почувствовала такое облегчение, словно легла на пуховую перину.

— Разве здесь можно спать? — спросил Ален.

— Конечно! — заявила я. — Устраивайтесь поудобнее, положите ладошки под головы, а я укутаю вас плащом.

Хозяйка принесла нам кувшин молока и мягкого хлеба. Это был не пшеничный хлеб, а ржаной, и Трудя отказалась от ужина. То же самое собиралась сделать и Стефани, но надолго ее гордости не хватило. Глядя, как старший брат Ален и младший Сэмюэль уплетали хлеб за обе щеки, она не выдержала и тоже протянула руку за хлебом. На сеновал Гертруда всё-таки пришла, но легла спать голодной, и я, засыпая, слышала, как она беспокойно крутилась с боку на бок. Я же быстро провалилась в сон. Нам нужно было набираться сил. Утром мы, наконец, должны были увидеть наш дом.

♣Глава 6

Проснулись мы с первыми петухами. Курятник находился совсем рядом, и петушиные крики показались мне громче будильника. Дети вскочили первыми, желая непременно «посмотреть птичек». Для них всё это было пока игрой. Весёлым приключением, в котором они принимали участие.

А вот Гертруда, стряхивая с платья соломинки, едва не плакала.

На завтрак нам принесли напиток, похожий на ягодный квас, а

также по толстому ломтю хлеба с тонким кусочком сыра. На сей раз даже Труды не отказалась от еды.

Мы снова забрались в карету и поехали по деревне. Теперь, при свете дня, мы уже могли ее разглядеть. И впечатление она производила удручающее.

Нет, тут были и вполне добротные дома — каменные, выкрашенные чем-то белым, то ли краской, то ли известкой. И крыши у них были черепичные. Но большинство построек были сделаны из глины, смешанной с соломой, или даже земли. Изредка попадались и деревянные дома — именно таким и был дом, построенный родителями матушки Табиты, находившийся в некотором отдалении от деревни.

Деревянные стены потемнели от времени и непогоды, но всё же казались еще довольно крепкими. А вот доски на крыше на правой стороне дома прогнулись в нескольких местах. И стёкол в окнах не было, и казалось, что дом смотрел на нас темными глазами. А потому прежде, чем мы вошли внутрь, я уже примерно знала, что мы там обнаружим.

Полы были завалены сухими листьями, налетевшими в дом через зияющие дыры окон. Наверняка прежде в доме была хорошая мебель, но теперь от нее почти ничего не осталось — возможно, какие-то вещи забрали соседи, но сейчас думать об этом было уже бессмысленно. Следовало использовать то, что осталось.

Всю левую часть дома занимала большая кухня с массивным столом посредине, лавками вокруг него и печью в углу. Здесь

▲сохранились деревянные полки на стенах и даже красивый буфет, в дверцах которого, правда, стекол тоже уже не было.

В правой части дома выделялось помещение, должно быть, служившее гостиной. Здесь был камин, но из мебели остались только хромоногие табуреты. Из этой комнаты три двери вели в маленькие комнатухи-спальни. В них стояли кровати, но лежавшие на них пуховые подушки и перины полуистлели и выглядели устрашающе.

— Прикажете выгрузить вещи, ваша милость? — обратился к Табите наш возница Том.

Матушка замешкалась с ответом, а Гертруда взвизгнула:

— Нет, Том! Мы едем обратно! Этот дом не пригоден для жилья! Табита вздохнула, а плечи ее опустились еще ниже. Она не могла вернуться домой. Старший сын ясно дал ей понять, что не желает терпеть ее в своем особняке. Он намеревался влиться в местное общество, а не имевшая благородных корней мать сильно мешала ему в этом. Неужели Труды не понимала этого сама?

— Выгружайте, Том! — велела я.

Если Гертруда желала вернуться в дом Даррена, то ей придется поехать туда без нас с матушкой. Я не хотела больше выслушивать оскорбления старшего брата и его жены.

Возница торопливо кивнул, из двух наших распоряжений выбрав то, которое согласовывалось с приказом его хозяина, и бросился выгружать сундуки из кареты.

— Лорейн, ты с ума сошла! На чём мы будем спать? Что мы будем есть?

Что я могла ей ответить? Ответов я не знала и сама. Но у нас была крыша над головой. И мешочек серебряных монет. И шесть пар рук, пусть даже никогда и не знавших тяжелой работы.

В Аквитании стояла осень – теплая, яркая. И наверняка в лесу было много ягод и грибов. Нам только следовало разобраться, какие из них были съедобными, а какие – ядовитыми. А за домом я заметила несколько фруктовых деревьев. На них тоже могли быть плоды. И именно осенью у местных жителей наверняка можно было задешево купить овощи и зерно.

И нам следовало, не теряя времени, заняться огородом, сделать несколько грядок, чтобы весной можно было засадить их теми семенами, которые нам удастся добыть. Сама я умела и копать, и сеять

♣и не сомневалась, что сумею научить этому старших племянников. А Табита могла помогать нам советами.

– У нас нет даже постельного белья! – зарыдала Гертруда.

А вот это было моей большой ошибкой. Я совершенно о нём забыла! Я могла положить несколько наволочек и простыней вместо пары платьев, но не подумала об этом. А теперь сожалеть об этом было уже поздно.

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещала я. – А пока нам следует привести дом в порядок. Скажите, матушка, нет ли тут поблизости какого-нибудь водоема? Прежде всего, нам требуется вода.

– На заднем дворе был колодец, – вспомнила Табита. – Но не знаю, сохранился ли он. А вон там, в овраге, раньше тек ручей. Я взяла на кухне изрядно запывившееся деревянное ведро и, позвав с собой четырнадцатилетнего Алена, отправилась во двор. По дороге мы изучили и хозяйственные постройки, находившиеся под той же крышей, что и жилые помещения.

Здесь была кладовая с несколькими полупустыми ларями. В них была мука и что-то вроде овса, но в пищу всё это было уже совершенно не пригодно. А на широких деревянных полках стояли глиняные крынки и горшки, по большей части колотые, а также сплетенные из лозы корзины. Возможно, здесь можно было найти и еще что-то полезное, но в помещении было довольно темно. И тут я вспомнила еще о двух важных вещах, которые мы с собой не взяли – о свечах и огнive.

В Арвитании рано темнело, а без освещения мы вынуждены будем большую часть дня проводить в потемках. Я едва не расплакалась от досады. А ведь я хвалила себя за то, что так разумно собрала сундук.

Дальше шли хлев, сеновал, курятник, сарай (в котором я нашла несколько ржавых лопат и вил). Отдельно во дворе стояла крохотная кабинка, в которой я признала туалет. По сути, это была выгребная яма с настилом над ней.

Каменный колодец мы тоже нашли, вот только вода в нём была где-то глубоко, а у нас не было длинной веревки, чтобы спустить туда ведро. Поэтому пришлось дойти до ручья. И вот тут мы умылись и вдоволь напились чистой и вкусной воды.

♣– За водой придется ходить тебе, Алена, – сказала я. – Ты единственный мужчина в доме.

Он молча кивнул. Я видела, что ему было не по себе, но он изо всех сил старался казаться взрослым.

От ручья нам пришлось бежать, потому что начался не просто дождь, а настоящий ливень. Глина на тропинке размокла, стала скользкой, и мы испортили обувь, а я еще и испачкала подол платья.

Мы принесли воды, но от этого атмосфера в доме не стала лучше. Небо заволокло тучами, и в комнатах сразу потемнело. А мы не могли даже разжечь огонь.

— Ну, что? — закричала Гертруда. — Ты довольна теперь? Стефани и Сэмми захныкали. Они уже были голодны и хотели спать. Это приключение уже не казалось им забавным. Чтобы не поссориться с сестрой, я сбежала на кухню. Но там отчаяние завладело и мной. Я села на лавку у стола и заплакала.

▲Глава 7

Раскаты грома раздались внезапно, и в гостиной испуганно закричали дети. А спустя минуту я услышала во дворе ржание лошади.

— Эй, хозяева! Найдется ли тут место для моего Ветерка?

Я выбежала на крыльцо, боясь поверить своим ушам.

Это был Норман!

— Что ты тут делаешь? — спросила я, стараясь перекрыть шум дождя.

Я взяла под уздцы его коня, повела его на задний двор, в сарай.

Там было сухо и не так страшно, как на улице. А Норман тем временем нарвал травы.

— Я сама! — закричала я. — Ты испачкаешься!

А он только рассмеялся в ответ. Его плащ уже промок насквозь.

В сарае я увидела деревянную бочку и сразу же решила ее использовать. Конечно, была вероятность, что она иссохла и протекала, но попробовать всё же стоило.

— Помогите мне выкатить ее на улицу! — попросила я брата. — Мы поставим ее на углу дома. Такой сильный дождь может наполнить ее до краев. А нам нужна вода.

Вдвоем мы легко поставили ее в нужное место, и струйка с крыши сразу же забарабанила по дощатому дну.

— Так как же ты всё-таки здесь оказался?

Вместо ответа Норман протянул мне увесистый мешок. Я развязала его и ахнула. Там были свечи и огниво!

— Я подумал, что вы наверняка про них забыли.

Я взвизгнула и бросилась ему на шею. Он не был моим родным братом, но сейчас он для всех нас сделал столь много, что это невозможно было не оценить.

— Ну, что ты, глупышка? — он поцеловал меня в лоб. — Пойдем скорее в дом! Ты же совсем замерзла.

Я шмыгнула носом и сообщила, что в доме ничуть не теплей.

— Ничего, — отмахнулся он. — Надеюсь, там хотя бы есть печи.

А дрова мы сейчас найдем.

▲В углу сарая мы отыскивали старый сухой валежник. А еще Норман разломал несколько досок, лежавших у стены. С этой добычей мы и вернулись в гостиную.

— Норман???

Его обступили со всех сторон, даже не дав подойти к камину.

— Ты не опоздаешь в академию, сынок? — забеспокоилась

Табита. — Ты говорил, у вас там строгое начальство.

— Не беспокойтесь, матушка, Я совсем чуть-чуть отклонился от дороги. Но задержаться у вас надолго я действительно не смогу. Хотя выпить с вами горячего чая я не откажусь.

Его слова заставили меня взяться за дело. Чтобы выпить чаю,

нужно было согреть воды!

Все наши сундуки стояли в гостиной, и я быстро отыскала тот, в котором была собрана посуда. Норман с Аленом перенесли его в кухню, а потом занялись разжиганием огня в плите.

Что такое огниво, я знала только по книжкам и теперь наблюдала за мужчинами с большим интересом. Это было полезное умение, которым и мне следовало овладеть.

— Вот, смотри, — объяснял племяннику Норман, — это железное кресало. А это — кремь. Я уже положил в печь сухую кору. Теперь нужно поднести кремь к коре и с силой потереть о него кресалом. Видишь? Искры падают на кору и поджигают ее. Остается только хорошенько раздуть огонь.

За процессом наблюдали не только мы с Аленом, но и четырехлетний Сэмюэль. И когда в печи вспыхнул огонь, мы все захлопали в ладоши. Но огонь в печи разгорелся не сразу. А когда разгорелся, кухня наполнилась дымом. Печь не топили несколько лет, и этого следовало ожидать. Но через четверть часа всё пришло в норму. Потом мужчины переместились в гостиную, чтобы растопить еще и камин.

Но и нам расслабляться не следовало — на всей кухонной мебели лежал толстый слой пыли и нужно было для начала отмыть хотя бы стол и лавки. В доме было много ветоши — старого белья, одежды, так что за тряпками для мытья дело на стало. Я разорвала на несколько частей посеревшее от времени длинное полотенце и одной сухой частью велела Стефани смести сор со стола.

▲Поначалу у девочки мало что получалось — пыль заклубилась в воздухе, и мы долго чихали. Но потихоньку она приспособилась, и дело пошло на лад. Я же в это время сполоснула котелок и налила в него чистой воды, поставила на огонь. И только в этот момент я сообразила, что выпить чаю нам не удастся — у нас не было заварки. Всё-таки я оказалась удивительно беспечна, а еще мнила себя хорошей хозяйкой! О скольких важных вещах мне следовало подумать до того, как мы уехали из поместья Ревилей!

Но я решила, что когда я справлюсь с уборкой, то схожу в сад на заднем дворе. Возможно, на деревьях еще остались какие-то плоды. Фруктовый напиток мог оказаться ничуть не хуже обычного чая. Хорошо бы к тому времени закончился дождь!

Я налила воды в большую глиняную миску со сколотым краем и принялась отмывать столешницу. Грязи было много, и воду пришлось менять несколько раз, но зато после получаса моих трудов стол выглядел почти прилично. Потом мы со Стефани взяли за лавки. Пол тоже был грязным, но я решила, что займусь им уже после обеда. Норман торопился, и нам не следовало задерживать его дольше необходимого.

Признаться, я надеялась, что Гертруда присоединится к нам и постарается хоть чем-то помочь, но сестра так и не вышла из гостиной. Когда я заглянула туда, то увидела, что она сидела на колченогой табуретке перед камином рядом с братом и сыновьями. А вот Табиты в комнате не было.

Причина отсутствия матушки выяснилась довольно скоро. Табита появилась на кухне мокрая от дождя, но очень довольная.

— Смотрите, что я принесла! — сказала она, и в голосе ее я впервые услышала что-то похожее на гордость. — Это — мята. А вот

листья вишни. И спелые яблоки! Из всего этого получится превосходный чай!

Я не удержалась и обняла ее. А она мягко улыбнулась и занялась чаем. Тонкие пальцы ее с неожиданной ловкостью отщипывали листочки от веток. А когда она бросила в котел травку и яблочные дольки, по кухне разлился восхитительный аромат.

Мы вымыли руки, достали из сундука глиняные кружки, вяленое мясо из мешка, а из корзинки – хлеб и остатки пирогов. Накрыли на стол.

♠А на улице как раз закончился дождь, и на голубом небе показалось солнце. И в кухне сразу стало светлей и уютней. – Я позову всех обедать! – воскликнула Стефани и бросилась в гостиную.

Мы расселись за большим столом, и впервые за этот день я увидела улыбки на лицах детей. И пусть наша трапеза была скромна, мне показалось, что я никогда не ела ничего вкусней.

– Вам следует закрыть чем-то окна в гостиной, – сказал Норман. – Может быть, старыми одеялами или даже досками. Да, там будет темно, но зато тепло. И поговорите с соседями – наверняка среди них найдется кто-то, кто сможет помочь вам по хозяйству. В первую очередь нужно заняться крышей и окнами. Близится зима, и на улице станет холодно.

– Нам не на чем спать, – вздохнула Гертруда.

Брат кивнул:

– На первое время купите белье у кого-нибудь в деревне. Конечно, оно будет самое простое и грубое, но и на нем можно спать. До выпуска из академии мне осталось всего полгода, а потом я куплю патент, получу офицерский чин и стану присылать вам часть своего жалованья. Постарайтесь продержаться до того времени.

– В конце осени в городке Альянде, что всего в нескольких лье отсюда, бывает большая ярмарка, – вспомнила матушка. – Мы сможем прикупить там самое необходимое. Цены во время ярмарки бывают очень дешевы.

Перед отъездом Норман попытался вручить Табите пять золотых монет, но она отказалась их взять. Она была уверена, что ему эти деньги были куда нужней, и стояла на своем, как он ее ни убеждал. Наконец, он сдался, взяв с нее обещание непременно написать ему, если мы окажемся совсем без средств.

А потом, уже во дворе, я увидела, как он сунул эти пять монет в руку Гертруде, и она положила их в карман. Меня же он посчитал слишком молодой, чтобы разумно распорядиться деньгами.

♠Глава 8

Поставленная под потоком бочка за время дождя наполнилась на треть. И это дало нам воду хотя бы для хозяйственных целей. Как только Норман уехал, мы занялись гостиной и спальными комнатами. Выгребли весь мусор, вывели пыль. Гертруда сначала снова попыталась остаться в стороне, но я заявила, что спальню для себя ей придется готовить самой. В этом доме слуг у нас не было. С этим следовало смириться и научиться делать хоть что-то своими руками. В двух спальнях не было окон. Но если прежде это было существенным недостатком, то теперь казалось почти преимуществом – в них было теплее. Изначально я полагала, что одну спальню

комнату займут Гертруда со Стефани, другую – мальчики, а третью – мы с Табитой. Но Ален с Сэмом захотели поселиться в комнатке на втором этаже, из окна которой открывался прекрасный вид на перелесок и красивый луг за ним. И хотя я попыталась объяснить им, что зимой там может быть очень холодно, они настояли на своем. А раз так, то во второй спальне без окна разместилась Табита, а я заняла ту, которая была с окном.

Когда весь сор из дома был вынесен, я занялась мытьем полов. Табита готова была взять эту работу на себя, но она была уже не молода, чтобы долго работать внаклонку. А вот Гертруда заниматься столь грязным делом категорически отказалась. Она и так уже сокрушалась от того, что запачкала пылью свое платье. Но и отправить ее варить нам ужин я тоже не могла – она не умела готовить. А поскольку продуктов у нас было не так много, мы не могли позволить себе их портить.

Так и получилось, что матушка отправилась на кухню, я мыла полы, а Гертруда просто сидела на пустой деревянной кровати и сокрушалась, что ей не на чем будет спать.

Впрочем, в этом вопросе я была с ней согласна – нам очень нужны были матрасы и постельное белье. Если бы у нас была ткань, я сама могла сшить всё это. А в качестве наполнителя для подушек и матрасов можно было использовать сено – я еще с детства помнила,

▲что на нём прекрасно спалось. Но ткани у нас не было, а значит, нам следовало купить всё необходимое у кого-то из местных.

Табита родилась и выросла в этой деревне, но за те несколько десятков лет, что она была женой шевалье Ревияля, тут многое изменилось. Она уже не помнила почти никого из соседей. А к тому же я понимала, что ей было неловко с ними встречаться. Она столько лет вращалась в дворянском кругу, что уже стала здесь чужой. А ее неожиданное возвращение в старый дом для многих здесь наверняка послужит поводом позлорадствовать.

Но и совсем без помощи местных жителей мы обойтись не могли. Нам нужно было починить крышу и заколотить окна хотя бы досками. Но для этого у нас не было ни умений, ни инструментов, ни материалов.

Единственным человеком в Шатель, которого я знала, была Розин Булон – сестра Тома, у которой мы останавливались на ночлег прошлой ночью. И хотя она жила на другом конце деревни, я направилась именно к ней.

По дороге я встретила только стайку босоногих мальчишек лет десяти, которые разглядывали меня с большим любопытством. Моя одежда (хоть я и выбрала самое простое платье) была слишком непохожа на одежду деревенских женщин.

Мадам Булон встретила меня приветливо, но было видно, что она не знала, как ей следовало держаться со мной. По меркам Арвитании между нами была пропасть. Но, с другой стороны, мы теперь были их соседями, и выдерживать прежнюю дистанцию было уже трудно.

– Не знаю, ваша милость, устроят ли вас наши грубые холсты?

– засомневалась она. – Вы, должно быть, привыкли спать совсем на другом белье. Но ничего другого в нашей деревне вам никто не предложит. Но скоро в Альенде будет большая ярмарка, и вот там вы уже сможете купить то, что вам придется по душе.

– Пока я возьму то, что есть, – сказала я без особых раздумий.

– А еще мы готовы купить у вас воз свежего сена. И кое-что из продуктов – масло, сыр, хлеб и немного мяса. Она торопливо кивала на каждое сказанное мной слово. Здесь, в Шатель, у нее было мало возможностей заработать, и эту она не хотела упускать. Я еще плохо ориентировалась в ценах и боялась, что она запросит с меня больше, чем стоило на самом деле, но она попросила

▲ всего две серебряные монеты: одну – за белье, другую – за всё остальное.

– А еще нам требуется плотник, – спохватилась я. – Может быть, нам сможет помочь ваш муж, сударыня?

– Ох, нет, – она покачала головой, – мой Эмиль в таком деле не мастак. Вам нужно обратиться к Квентину Меридо – лучше него мастера в наших краях и не сыщешь. Его дом как раз рядом с вашим, ваша милость. Только пока его нет в деревне, уехал на несколько дней на старую мельницу месье Крюшона – там сломался какой-то механизм, и уж никто кроме Квентина в этом не разберется. Вот только гвозди и стекла вам придется купить самим и тоже в Альянде. И все это стоит весьма недешево.

Я уже обратила внимание, что окна в большинстве здешних домов были маленькими, и теперь стало понятно, почему. Стекла больших размеров были слишком дороги, чтобы крестьяне могли их себе позволить. А в некоторых домах вместо стёкол и вовсе была слюда. Заручившись обещанием Эмиля Булона, что он привезет все мои покупки в течение пары часов, я отправилась домой. Дорога после дождя была грязной, и я с сожалением посмотрела на свои размокшие башмачки.

Но вскоре мысли мои устремились совсем в другом направлении.

Уже когда я почти подходила к нашему дому, я увидела вдаль, за перелеском, то, чего не заметила ранее.

Там, на холме, стоял особняк. В сумерках я смогла различить только его очертания, и судя по ним, это было весьма внушительное здание. Правда, ни в одном из его окон отчего-то не горел свет, и от этой странной мрачности мне стало не по себе.

Интересно, чья усадьба там была?

▲Глава 9

– Это усадьба герцога Клермона, – сказала Табита, когда мы сели за стол.

На ужин у нас была пшенная каша на воде. Месье Булон еще не привез нам продукты. Но каша показалась мне вкусной даже без молока. И не мне одной.

– Старый герцог, отец нынешнего хозяина, очень любил это поместье – он проводил здесь почти весь год, кроме бального сезона, на который всё семейство уезжало в столицу. А вот герцогиня терпеть не могла провинцию. Она была намного моложе своего супруга, и тут, в глуши, ужасно скучала. И когда ее муж скончался, она вовсе перестала сюда приезжать. А ее сын и вовсе бывал тут только в раннем детстве, когда еще был жив его отец. Но, возможно, что с тех пор что-то изменилось.

После ужина я спросила Гертруду, не вымоет ли она посуду, пока нагретая на печи вода еще не остыла. Но выражение лица сестры стало таким обреченным, что матушка быстро вмешалась и сказала, что прекрасно справится с этим сама.

Настроение Труды мне совсем не нравилось. Она пребывала в унынии, и это действовало и на всех остальных. Но серьезный разговор с ней я отложила до утра, потому что телега Эмиля Булона уже въезжала к нам во двор.

Ален, Стефани и даже маленький Сэмми с удовольствием перенесли на кухню продукты, а в гостиную — несколько стопок постельного белья. Молока, масла и мяса оказалось гораздо больше, чем я ожидала — Розин была щедра и вовсе не обманула нас.

— Если вам будет угодно, мадемуазель Ревиль, — обратился ко мне Эмиль, — то свежий хлеб и молоко мой сын мог бы приносить вам каждое утро по дороге на пастбище.

Это было хорошее предложение, и я с радостью за него

ухватилась. Но оно стоило нам еще одной серебряной монеты.

Впрочем, за целый месяц такого снабжения это было совсем немного.

И всё-таки деньги таяли, а никаких новых поступлений ожидать не приходилось. А ведь нам нужно было еще купить стекла, гвозди, доски

и еще множество полезных для хозяйства вещей. Но на это я надеялась потратить одну из полученных Гертрудой золотых монет.

Месье Булона я тоже спросила про герцогское поместье.

— Всё так и есть, как сказала ваша матушка, — подтвердил он. —

За последние двадцать лет молодой герцог не приезжал сюда ни разу.

А поскольку содержание особняка обходилось слишком дорого, то ее светлость вынуждена была уволить почти всех слуг. Там остались только старый дворецкий, экономка и садовник. Но что они могут втроем? Поместье приходит в упадок, и нам всем больно на это смотреть. А ведь какие роскошные луга и сады были тут в прежние времена! Какие устраивались балы — на них съезжались дворяне со всей провинции!

Он говорил об этом с такой гордостью, словно сам принимал в них участие, и я невольно улыбнулась.

Когда месье Булон уехал, я собрала всех в гостиной.

— Нам нужно набить сеном матрасы и наволочки. Конечно, мы все устали, но без этого спать будет затруднительно.

— Сеном? — простонала Гертруда. — Но оно же колючее! И оно пахнет!

А стоило ей взять в руки простыни из домотканого холста, она нашла новый повод для стенаний.

— Оно такое грубое, что сотрет нам всю кожу!

Но мне уже надоело ее слушать, и я, захватив с собой детей, отправилась в сарай, куда месье Булон сгрузил сено. Его оказалась целая гора, и пока мы с Аленом набивали им матрас и наволочки, Стефани с Сэмми просто кувыркались в нём, отчего их одежда покрылась трухой.

И подушки, и матрасы вышли высокими, упругими, и когда мы уложили их на кровати, те стали выглядеть вполне прилично. А уж пахло сено так свежо, что дом сразу наполнился каким-то удивительно летним ароматом.

Я застелила кровати бельем и полюбовалась плодами наших трудов. Мне уже захотелось спать.

Нашей основной проблемой на данный момент были разбитые окна. Но поздним вечером с этим мы уже ничего не могли поделать.

Окно в гостиной я завесила старым грязным одеялом, которое отыскалось в одной из спален — оно было дырявым в нескольких

▲местах, но всё равно в какой-то мере служило преградой холодному воздуху.

Я зашла в комнату сестры, чтобы пожелать ей спокойной ночи, но Гертруда уже спала и, кажется, не испытывала никакого дискомфорта из-за того, что ее нежное тело касалось такой грубой материи.

Да я и сама провалилась в сон, едва моя голова коснулась подушки.

А утром проснулась в прекрасном расположении духа и, пока все спали, решила прогуляться на территорию поместья герцога Клермона. Никогда прежде я не бывала в таких старинных дворянских гнездах и не хотела отказывать себе в удовольствии полюбоваться на такую красоту.

И то, что я там обнаружила, превзошло мои самые смелые ожидания!

▲Глава 10

Перелесок служил границей герцогских угодий, и когда я миновала его, мне открылся восхитительный вид на огромный луг с коротко подстриженной травой, озеро с голубой гладью воды и красивое трехэтажное здание на пригорке.

Даже если месье Булон был прав, и нынешний герцог Клермон не уделял внимания своему поместью уже много лет, посмотрев на его имение издали, я ни за что бы такого не подумала. Особняк был выкрашен в нежно-голубой цвет и почти сливался с утренним небом. А белоснежные колонны на его фасаде делали его изысканным и величавым.

И наверняка возле дома было много цветочных газонов, а позади него был сад с фруктовыми деревьями или парк с ровными аллеями и фонтанами. И внутреннее убранство, должно быть, было под стать внешнему.

И сейчас, глядя на особняк со стороны, я чувствовала себя Элизабет Беннет, впервые приехавшей в Пемберли. Вот только с владельцем поместья я знакома не была.

Я не знала, можно ли было разгуливать по территории частных угодий, но надеялась, что запрета на это нет. И я не удержалась и пошла по дорожке к озеру.

Вода в нём была такой чистой, что я могла разглядеть плававших там рыб. Мои мысли сразу устремились в этом направлении. А не могли ли мы позволить себе тут порыбачить? Но подумав хорошенько, я сама отрицательно ответила на этот вопрос. Это было бы большой наглостью с нашей стороны. И из окон дома озеро было как на ладони.

Даже если в поместье не было сторожа, то тут наверняка были собаки. Хотя вопрос о рыбалке был слишком важен для нас, чтобы я могла так просто о нём забыть. И я решила, что должна расспросить об этом сына Булонов. Быть может, он подскажет нам, где можно выловить рыбу, не нарушая закон. А возможно, это знала и Табита.

В озере плавали лебеди, но они находились в другой части водоема, ближе к особняку. А поскольку у меня не было с собой хлеба, я не стала их подзывать.

▲Когда я уже собиралась вернуться домой, я увидела в стороне небольшой домик, почти полностью скрытый деревьями – видна была только макушка крыши и печная труба. Он находился не в

деревне, а на земле поместья. Возможно, там жил егерь или садовник. И я повернула не влево, к своему дому, а вправо.

Мне было любопытно поговорить хоть с кем-то из поместья, но сделать этого не удалось. Окна дома были закрыты ставнями, а на дверях висел большой навесной замок. И ведущая к дому дорожка заросла травой так, что камней, которыми она была вымощена, почти не было видно.

Среди травы я с трудом различила и высокие грядки, на которых, должно быть, прежде росли овощи. Это мог быть домик огородника, поставлявшего к столу его светлости свежую зелень. Но сейчас тут явно никто не жил. Хозяева в поместье не приезжали, и овощи и фрукты никому не требовались.

За домом что-то ярко сверкнуло, и я отправилась туда. Сверкали стекла в стенах и крышах теплиц! Тут были три больших теплицы! Я не знала, что выращивали в них прежде – сейчас они были пусты. Две теплицы были целыми, пусть и изрядно грязными, а вот на третью, должно быть, во время бури, упало дерево, и там не осталось ни одного целого стекла. Дерево так и лежало на крыше теплицы, проломив ее своими ветвями – никто не удосужился его убрать. То ли происшествие случилось недавно, и дворецкий просто не успел не него отреагировать, то ли он вообще не бывал в этой части поместья и не знал, какой беспорядок тут творился.

Восстановлению теплица явно не подлежала, и даже если огородник когда-то вернется в этот дом, ему придется ее снести. И раз теперь она всё равно никому не была нужна, то почему бы нам этим не воспользоваться?

Нам нужны были эти стекла! Развешанные на окнах одеяло и плащи не могли защитить дом от холода. К тому же, из-за них в комнатах было темно. Да и выглядело всё это ужасно неряшливо. А на кухне в окнах и вовсе ничего не было. И кто знает, сможем ли мы позволить себе купить стекла на ярмарке в Альенде? Вдруг они окажутся слишком дорогими? Или разобьются по дороге в Шатель? А стекла из теплицы вполне бы нам подошли. И я не собиралась портить целые теплицы! Я собиралась взять битые стекла – ни

▲герцогу Клермону, ни его дворецкому они точно не пригодятся!

Я присмотрелась повнимательней. Стекла с крыши были разбиты вдребезги, а вот на передней и задней стенках – там, где были двери, – из потрескавшегося материала можно было выбрать то, чем мы могли застеклить свои окна. Да, возможно, наши рамы придется разделить на более мелкие сегменты, но хороший мастер легко сделает это. И у нас будут настоящие окна, и в доме будет тепло и светло!

У дверей я нашла старый нож с деревянной ручкой и ржавым лезвием. Одно из стекол я хотела взять с собой прямо сейчас. Но когда я достала его из пазов, совесть всё-таки замучила меня. Брать чужое без спроса было нехорошо, и я, подумав немного, отправилась к герцогскому особняку.

Казалось, что он был совсем недалеко отсюда, но мне потребовалось обогнуть озеро, и дорога заняла не меньше получаса. И когда я оказалась вблизи здания, то хотя и не имела к нему никакого отношения, невольно испытала разочарование. Краска на его фасаде местами облупилась, а лепнина с колонн облетела. А окна были мутными от высохших дождевых капель. На всём тут были видны следы запустения.

Я поднялась на крыльцо и постучала в двери. Мне потребовалось сделать это трижды, прежде чем я услышала чьи-то шаркающие шаги внутри.

— Кого там принесло с утра пораньше? — голос был не мужским, а женским.

И когда дверь распахнулась, я увидела пожилую женщину. Наряд ее, несмотря на то что не был ни новым, ни дорогим, всё-таки отличался от платьев женщин из деревни. И голова ее была надменно поднята, а плечи горделиво расправлены.

— Что вам угодно, мадемуазель? — спросила она и поднесла к лицу лорнет.

▲Глава 11

Наверно, это и была та самая экономка, про которую говорил месье Булон.

— Доброе утро, мадам! — улыбнулась я. — Я — Лорейн Ревиаль, из дома, что находится вон там, за перелеском, — и указала направление рукой. — Мы приехали в Шатель только позавчера, и я подумала, что было бы неплохо познакомиться с соседями.

Я понятия не имела, как должна была с ней разговаривать. С одной стороны, я была дочерью дворянина, а значит, стояла гораздо выше нее по положению. С другой стороны, сейчас мы были обычными жителями деревни и нуждались в помощи этой женщины. В итоге я решила просто быть вежливой.

— Вы — младшая дочь ее милости? — спросила она. Холодный взгляд ее ни на мгновение не стал теплей.

— Именно так, сударыня! — подтвердила я. — Простите, я не знаю вашего имени.

— Мадам Шабри, — назвалась она. — Я имею честь быть экономкой его светлости герцога Клермона.

— Очень приятно познакомиться, — я улыбнулась еще шире.

— Передавайте поклон вашей матушке, — моя собеседница тоже снизошла до некоего подобия улыбки, — мы были знакомы когда-то очень давно.

Она наверняка уже знала о нашем приезде, потому что ничуть не была удивлена, когда услышала мое имя. А матушку Табиту она наверняка знала по тому времени, когда обе они были еще девчонками. Возможно, мадам Шабри тоже была родом из этой деревни.

— Непременно, сударыня! — пообещала я. — Простите, что я потревожила вас. Мне всего лишь захотелось полюбоваться чудесным озером и таким красивым особняком.

При последних словах я чуть покраснела. Особняк, должно быть, когда-то и в самом деле был прелестным, но теперь мои слова могли показаться ей издевкой.

Кажется, она подумала о том же самом, потому что сказала:

▲— Видели бы вы наше поместье в прежние времена, мадемуазель!

Вот тогда оно действительно было великолепно, и даже короли Арвитании не чурались здесь останавливаться. К сожалению, сейчас сам его светлость редко появляется в своем родном имении. Но мы не оставляем надежду, что однажды всё может перемениться.

Это был подходящий момент, чтобы перевести разговор в нужное русло.

— Я только что проходила мимо теплиц, что стоят по другую

сторону озера, — сообщила я. — Быть может, вы не знаете, мадам, но на одну из них упало дерево, и она почти совсем развалилась. Там повсюду валяются осколки стекол, и если в поместье есть собаки, то они могут порезать ими себе лапы.

— Да-да, я знаю, — женщина горько вздохнула. — Но, к сожалению. Мэнсфилд отбыл к его светлости в столицу с докладом, а наш садовник Уилсон из-за приступа подагры уже два дня почти ни на что не способен. На прошлой неделе в этих местах была сильная буря, и пострадала не только теплица, но и наша оранжерея.

— Вы будете их восстанавливать? — осторожно спросила я.

— Оранжерею, да, несомненно, — при этих словах она заметно смутилась. Должно быть, вспомнила, что их хозяин не считает нужным выделять средства для поддержания порядка в своем имении.

— А вот теплицу следует просто снести. Уилсон займется этим, как только будет в состоянии приступить к работе.

— Стекла оказались выбиты и в нашем доме, — сказала я, вплотную подойдя к волнующему меня вопросу. — И раз уж вы решили эту теплицу сносить, то, может быть, вы не будете возражать, если я возьму несколько стёкол, которые еще можно использовать?

Они бы очень намгодились.

Она усмехнулась. Кажется, моя просьба сильно польстила ей.

Наверно, ей приятно было осознавать, что Табита, так долго находившаяся на недосыгаемой для местных жителей высоте, теперь просила ее о помощи.

— Почему бы и нет? — она пожала плечами. — Возьмите, если они вам так нужны. Для нашей оранжереи всё равно требуются стёкла куда большего размера. Но я надеюсь, вы будете действовать осторожно и не повредите другие теплицы.

— Разумеется, сударыня! — заверила ее я.

▲Обратно к теплице я почти бежала. Мне не терпелось принести домой хотя бы одно стекло. Потом, после завтрака, мы вернемся сюда с Аленом и возьмем все стекла подходящего размера. Нам нужно было сделать это до возвращения дворецкого из столицы. Кто знает, возможно, по этому поводу у него будет мнение, совсем отличное от мнения мадам Шабри.

А вот путь от теплицы до дома мне пришлось проделать очень медленно. Я боялась упасть, разбить стекло и пораниться. Но зато когда я ввалилась с ним на кухню, где за столом уже сидела вся моя семья, моё лицо сияло от гордости.

— Я нашла стёкла для окон! Нам не придется их покупать!

В кухне пахло свежим молоком, а на столе дымилась золотистая от расплывшегося по поверхности масла каша. И пока мы ели, я рассказывала им о своем походе в особняк герцога Клермона.

— Но я не знаю никакой мадам Шабри, — удивилась Табита. —

Хотя, возможно, когда мы были знакомы, она носила другую фамилию. Но как бы там ни было, нам следует поблагодарить ее за такую доброту.

— Жаль, что герцог Клермон сейчас не бывает в своем поместье,

— с тоской протянула Гертруда. — Если бы здесь собиралось общество, было бы куда веселей.

Я вздохнула. Кажется, она упрямо не хотела понимать, что если бы здесь собиралось знатное общество, ей самой было бы куда тяжелей. Потому что мы в это общество ни при каких раскладах не

были бы приглашены. И кому, как не ей, было это знать? Наверно, матушка подумала о том же, потому что предпочла перевести разговор на другую тему.

– Жаль что месье Меридо в отъезде и не сможет застеклить нам окна в ближайшие дни.

– Мы с Аленом можем попробовать сделать это сами! – заявила я. – Не уверена, что у нас получится, но попытка – не пытка. Только для нарезки стекол нам потребуется, матушка, ваш перстень. Я еще в поместье Ревиалей обратила внимание на перстень на пальце Табиты с бриллиантом с заостренным кольцом. Когда-то в доме бабушки я пользовалась алмазным стеклорезом. Возможно, это кольцо могло нам его заменить.

▲Глава 12

Конечно, с первого раза у нас ничего не получилось. Мы с Аленом принесли в дом несколько стекол из тех, что были размером побольше. Но попрактиковаться решили не на них.

Начали мы с кухни. Ножом я аккуратно отделила от рамы приколотенные на маленькие гвоздики тоненькие реечки, которыми крепилось стекло – штапики. Я старалась не сломать и не погнуть гвозди, потому что других у нас не было. И провозилась с этим до самого обеда.

Из свежего мяса Табита сварила вкусный суп, названия которого я не знала – она положила в него понемногу всех овощей, которые у нас были, и бросила туда еще и перловки. А я напекла тонких блинчиков, которые с жирным домашним маслом вышли красивыми, румяными.

Всё то время, что я была на кухне, матушка не сводила с меня удивленного взгляда. Настоящая Лорейн просто не могла быть такой. Она выросла в дворянской семье и никогда прежде не стояла у плиты и, уж тем более, не могла знать, как стеклят окна. Возможно, мне не помешало бы проявить некоторую осторожность и уподобиться Гертруде, но я не могла себе этого позволить. Нельзя было взваливать всё на одну Табиту.

За эти два дня я составила уже немаленький список вещей, которые были нам нужны. Из кухонной утвари нам не хватало тарелок, глиняных кувшинов, вилок, ножей. А еще следовало купить садовые и плотницкие инструменты, которые должны быть в любом доме. Алену было еще только четырнадцать лет, и я надеялась, что он сумеет научиться всему тому, что должен уметь делать по хозяйству настоящий мужчину. Хотя пока особого интереса к делам он не проявлял, просто выполнял то, что я ему велела. А сегодня перед обедом и вовсе взбрыкнул, сказав, что не станет ходить больше к ручью за водой, потому что тропинка была узкой, и забираться на угор с тяжелым ведром было неудобно. И только когда я объяснила ему, что без воды не будет и никакого обеда, он нехотя сделал то, о чём его просили.

▲Мне совершенно не понравился этот бунт на корабле, но я прекрасно понимала, чем он был вызван. Гертруда продолжала вести себя как отправленная в изгнание королева – так с чего бы ее детям было вести себя по-другому? Нам с сестрой давно следовало откровенно поговорить, но каждый день я откладывала этот разговор на завтра, боясь, что он совсем нас рассорит.

После обеда я приступила к резке стекла. И вот этот процесс уже вызвал у Алена неподдельный интерес.

Тренироваться я стала на тех обломках стекол, что мы достали из кухонного окна. Освободила стол, выбрала из всех реек самую прочную, взяла у Табиты перстень. Для замеров я использовала обычную веревку – ею был перевязан один из наших сундуков. Но всего этого поначалу оказалось мало. Резать стекло острым концом бриллианта оказалось не так-то просто. Стекло трескалось, ломалось, а когда я порезала им руку, то почти взвыла от отчаяния. Похоже, до приезда мастера Меридо нам придется ночевать в доме с незастекленными окнами. Хорошо еще, что дни пока стояли теплые. А вот ночью не спасал уже даже теплый плащ. Да и дров на обогрев дома требовалось слишком много.

– Позволь попробовать мне! – попросил Ален.

Я отступила от стола, радуясь тому, что он не остался безучастным. И как ни странно, но у него дело пошло гораздо лучше. Мы с Табитой заворуженно следили за тем, как он разделил стекло на тонкие полоски.

Но с большим стеклом с первого раза не получилось даже у него. И когда оно лопнуло, он досадливо стукнул по столу. Я боялась, что он всё бросит, но нет – он взялся за другое стекло, и через полтора часа мы всё-таки застеклили первую раму. Молотка у нас не было, и гвозди пришлось забивать гладким камушком, который Сэмюэль притащил с дороги.

Полюбоваться плодом наших трудов пришла даже Гертруда. Начало было положено, и по этому случаю мы устроили себе праздничный ужин. Табита запекла в печи мясо с овощами, добавив туда какую-то травку со двора, и по всему дому разлился такой аромат, что у меня потекли слюнки. А еще у нас были свежий сыр и чай с молоком.

▲Мы пировали, но глядя на это изобилие на столе, я не могла не думать о том, что если у нас не появится какой-то источник дохода, то скоро мы не сможем позволить себе покупать продукты у Булонов. Нам нужно было что-то придумать до того, как мы потратим те деньги, что у нас были.

А пока стоило подумать хотя бы о сохранности продуктов. В детстве, когда у нас с бабушкой сломался холодильник, а денег на новый не было, она вырыла в дровеннике яму и поставила туда ведро с крышкой. Так же сейчас поступили и мы, вместо ведра использовав старый чугунок с треснутым дном.

Наработавшись за день вдоволь, мы рано легли спать. А на следующий день рано встали. Нам с Аленом нужно было застеклить еще четыре окна. И пока племянник разбирался со стёклами, я помогала Табите чистить для обеда овощи.

– А есть ли здесь, матушка, места, где водится рыба? Я видала ее в озере, что находится перед герцогским особняком, но там, я думаю, ловить ее нельзя.

– Конечно, нельзя, – подтвердила она. – Там всегда можно было рыбачить только гостям его светлости. А мой брат обычно ловил рыбу в реке Дордоне – она течет за деревней. Там раньше водились и сиги, и сазаны, и щуки.

– А как вы ее ловили? – не унималась я.

– Неводом ловили, – с улыбкой вспоминала матушка, – и на

уду тоже.

– А леску? Из чего делали леску?

– Из конского волоса или из шелка.

Я не удержалась и довольно потерла руки. Как только мы разберемся с окнами, нам следует заняться рыбалкой. Наверняка это будет интересно не только мне и Алену, но и Стефани, и Сэмми. А уж от свежей рыбы на обед или ужин наверняка не откажется даже Гертруда.

▲Глава 13

На следующее утро Ален застеклил и второе окно в кухне и взялся за окно в моей спальне. А вот на гостиную принесенных из теплицы стекол уже не хватило – часть из них просто не подошли по размерам, а часть сломались во время резки. Я решила не отвлекать племянника от дела и за новой партией отправилась в поместье герцога одна.

Погода в эти дни стояла довольно теплая, но Розин Булон сказала, что по всем приметам получается, что скоро грянет похолодание, а это значило, что нам следовало поторопиться с обустройством нашего дома. Она же сообщила, что мастер Меридо возвращается в Шатель нынче вечером – ее муж узнал об этом, потому что ездил на мельницу Крюшона, чтобы смолоть пшеницу.

Это была хорошая новость. Правда, мадам Булон предупредила нас, что вряд ли мастер сразу возьмется за ту работу, что мы хотели ему поручить – через три дня в Альенде должна состояться большая осенняя ярмарка, и Меридо наверняка туда поедет.

– Если вы тоже собираетесь на ярмарку, ваша милость, то, возможно, вам стоит поехать вместе с мастером, – посоветовала мне Розин. – Он и подскажет вам, где лучше купить гвозди и инструменты. Я предложила бы вам место и на нашей телеге, но боюсь, что его попросту не будет – мы везем а Альенде много товаров, и даже сами будем вынуждены идти до города пешком. А мастер обычно едет туда порожняком, а уже обратно что-то везет. Так что дорогу туда вы можете проделать с ним, а вот назад уже поехать с нами.

Так я и собиралась поступить. Конечно, вряд ли месье Меридо повезет нас бесплатно. А это значит, что нам придется потратить еще одну серебряную монету. А сколько еще он запросит с нас за ремонт крыши и колодца? Чтобы не расстраиваться, я старалась пока об этом не думать.

Но список ярмарочных покупок, который я пополняла каждый день, уже выглядел устрашающе. Время от времени я вычеркивала из

▲него то, без чего мы пока могли обойтись, но даже не то, что осталось, денег нам могло не хватить.

В Альенде мы собирались поехать вместе с Гертрудой и племянниками. Только Табита оставалась дома. Я изначально не хотела брать с собой и сестру, но у нее были золотые монеты, без которых поездка на ярмарку могла оказаться бессмысленной. К тому же, я надеялась, что это путешествие немного встряхнет ее. А уж лишить племянников удовольствия побывать в незнакомом городе я и вовсе не могла.

На сей раз к теплицам я пошла другой дорогой. Сделала небольшой крюк, чтобы посмотреть на реку Дордону, про которую

говорила матушка. Она действительно текла неподалеку от нашего дома. Я не заметила ни одного рыбака, но это вовсе не значило, что в ней не водилась рыба. Местные жители наверняка ставили тут сети. А поскольку сетки у нас пока не было, я решила показать Алену, как делают «морды». В деревне, где я выросла, такие приспособления были в каждом дворе. И сплести их из ивовых веток было нетрудно. Выглядело это как продолговатый мешок из прутьев. Рыба заходила в него и уже не могла выбраться обратно.

А потом мы сделаем и леску для удочек. Или купим ее ярмарке, если она окажется недорогой. А уж сколько вкусных блюд можно приготовить из свежей рыбы, и не перечесать!

Спускаться к реке я не стала, пошла через перелесок к имению Клермонов. И вот здесь, на угоре, я вдруг увидела что-то необыкновенно знакомое. Это были огурцы! Их ветви опутывали стоявшие на высоком берегу деревья, поднимаясь чуть не до самых их макушек.

Но как они попали сюда? Поблизости не было ни домов, ни огородов. Возможно, летом ветер принес сюда их семена, и они выросли тут сами по себе, безо всякого ухода.

Плоды были разных размеров – и совсем маленькие, похожие на корнишоны, и довольно большие. У меня не было с собой никакой емкости, и я ограничилась тем, что сорвала несколько штук, распахав их по двум карманам платья.

К теплицам я подбежала почти вприпрыжку. Мне не терпелось принести огурцы домой и похвастаться перед Табитой. Из них можно

▲было приготовить вкусный салат со сметаной. А потом, когда мы купим на ярмарке достаточно соли, я могу засолить их в бочке. Я уже почти чувствовала их вкус на своих губах и так увлеклась собственными ощущениями, что не сразу увидела у теплиц незнакомца.

Я, как и прежде, взялась за нож и принялась вынимать из пазов очередное немного поломанное стекло, когда почувствовала чей-то взгляд. Подняла голову.

В нескольких шагах от меня стоял пожилой мужчина – седовласый, импозантный. Наверно, он произвел бы на меня вполне приятное впечатление, если бы в его взгляде так явно не читались надменность и презрение.

– Добрый день, сударь! – поприветствовала я его. – Я – Лорейн Ревияль. А вы, должно быть, месье Мэнсфилд?

Если он и счел нужным наклонить голову, то всего на пару сантиметров.

– Именно так, мадемуазель, – холодно подтвердил он.

Он продолжал стоять на том же месте, и я почувствовала себя неловко и едва не выронила стекло из рук.

– Надеюсь, сударь, вы не будете против, если я возьму отсюда еще несколько стекол? – вежливо спросила я. – Теплица скоро совсем рухнет, и они всё равно сломаются. А нам они очень пригодятся.

– Мадам Шабри говорила мне о вас, – хмыкнул он. – Но если вы хотите забрать эти стекла, то вам следует сделать это именно сегодня. Потому что завтра в поместье придут работники, и они займутся приведением усадьбы в порядок, в том числе и сносом этой теплицы.

– Вот как? – неприятно удивилась я. С чего бы им братья за обустройство именно сейчас, если столько лет они не вспоминали об этом? Я даже подумала, что, возможно, он мне просто соврал. Наверно, эти сомнения отразились и в моем взгляде, потому что дворецкий вдруг торжественно произнес:

– Усадьба Клермонов должна обрести прежнее величие, потому что скоро сюда прибудет сам его светлость! Да-да, мадемуазель! Герцог Клермон намерен жениться, и свадьба, которая состоится через несколько месяцев, пройдет именно здесь!

▲Глава 14

Я не хотела рассказывать домашним новость о возможном приезде герцога Клермона в свое поместье, но оказалось, что они узнали об этом и без меня. Деревня уже гудела, предвкушая возрождение былого величия старинной усадьбы.

Здесь в каждом доме держали кур, коров, поросят, вот только продавать яйца, молоко и мясо было некому. Везти в Альенде скоропортящиеся продукты было не с руки.

А приезд в поместье герцога с семейством и слугами означал закупки к хозяйскому столу всего того, что могли предложить местные крестьяне. А если сюда станут приезжать еще и гости! Поэтому не удивительно, что новость была встречена жителями Шатель с большим воодушевлением.

Я ожидала, что это встряхнет и Гертруду. Но она лишь впала в еще большую депрессию.

– Они будут смотреть на нас так же, как на здешних крестьян – как на грязь под ногами. А ведь наш отец тоже был дворянином, и мы тоже имеем право носить красивые наряды и танцевать на балах.

Всё это мы могли сказать только одному человеку – нашему старшему брату, который выкинул нас из дома, поправ законы родства. А сейчас я не видела смысла пережевывать всё это снова и снова. Так я и заявила Гертруде, на что она откликнулась со вздохом:

– Ты еще слишком молода, Лора, и ничего не понимаешь!

Ну, что же, если ей угодно было пребывать в тоске, то я не могла ей этого запретить. У меня было много других забот.

Ален прекрасно справился с остеклением всех окон, и в доме стало светло и тепло. Правда, в некоторых стеклах были трещины и сколы, но с этим мы уже ничего не могли поделать – других стекло подходящего размера не было. Эти трещины к зиме можно будет заклеить бумагой или замазать глиной. Пока же следовало радоваться тому, что мы имели.

Мы со Стефани намыли рамы до блеска и за обедом, сидя за кухонным столом, любовались на яркую огненно-рыжую картинку осенней природы за окном. А потом мы увидели, как к соседнему дому

▲подъехала телега, с которой спрыгнул коренастый мужчина средних лет. Должно быть, это и был мастер Меридо.

Мы с Табитой к вечеру, дав ему возможность отдохнуть с дороги, собирались пойти познакомиться с ним, но он нас опередил.

– Приветствую вас, ваши милости! Я подумал, что только-только смолотая мука с мельницы Крюшона не будет для вас лишней, – он пришел к нам не с пустыми руками, а с мешочком муки.

Матушка поблагодарила его за подарок и усадила пить чай.

Оказалось, что они были знакомы еще в то время, когда она не была

замужем, и потому она попросила его обращаться к ней запросто, безо всяких церемоний. Услышавшая это Гертруда гневно фыркнула, но я просто выставила ее из кухни. Если она не хотела принимать действительность, то это были ее проблемы.

– Не возьметесь ли вы, месье Меридо, за ремонт нашей крыши?

– спросила я. – А еще нам нужно почистить колодец, а то пока нам приходится ходить за водой к ручью.

– Сделаем! – коротко ответил он, отставив в сторону пустую кружку. – Только уже после ярмарки.

Он сказал, что покажет нам в Альянде лавку, где можно недорого купить гвозди и другие необходимые нам для ремонта материалы. А я с тоской подумала о том, что поездка на ярмарку, кажется, лишит нас последних серебряных монет.

Составленный

мной

список

покупок

был

настолько

внушительным, что я уже понимала – половину позиций придется вычеркнуть еще до поездки.

Я хотела повесить на окна красивые шторы, а значит, нужно было купить ткань. Но в нынешних условиях это казалось почти роскошью, без которой мы пока могли обойтись. А вот зимняя обувь для детей была необходима. А еще я выяснила, что маленький Сэмми не умел читать, а Гертруда не позаботилась о том, чтобы взять с собой из отчего дома хотя бы букварь. А это значило, что нам придется покупать и его.

Нам просто необходим был хоть какой-то источник дохода! И тут я вспомнила про огурцы, которые выложила на тарелку и оставила на буфете. Теперь я похвасталась ими перед матушкой и месье Меридо. Но они неожиданно подняли меня на смех.

♣– Можете смело выбросить их, мадемуазель Ревиаль, – улыбаясь, сказал мне наш сосед. – У нас их не станет есть даже скотина.

Я посмотрела на него с недоверием, но матушка подтвердила его слова:

– Хорошо, что ты не стала пробовать его! Он ядовит, Лорейн!

– Ядовит? – еще больше изумилась я. – Но разве это не огурец?

– Да, – кивнула Табита, – огурец. Один из диких плодов, что растут сами по себе. Его плети обвивают любое дерево, до которого смогут добраться. Но в пищу он не идет. Он ужасно горький на вкус.

– Горький – возможно, – согласилась я. Я прекрасно знала, что если огурцы не поливать, то в плодах появляется горечь. И если лето здесь бывает засушливым, то не удивительно, что огурцы горчат. – Но почему вы думаете, что он ядовит? Кто-то здесь им отравился?

– Ну, не то, чтобы прямо отравился, – задумчиво протянул мастер, – но никто никогда и не мог съесть такой плод целиком.

Достаточно разжевать лишь кусочек, чтобы сразу выплюнуть его.

Я была разочарована, но не готова была выбросить огурцы на

помойку. Возможно, местные жители просто не умели с ними

обращаться. В любом случае, следовало попробовать получить от них

пользу. Даже если для этого придется ставить эксперименты на себе самой.

В этот день мы пораньше легли спать. Месье Меридо собирался выехать в Альенде на рассвете.

Дети предвкушали веселое путешествие. На ярмарках бывало много развлечений, на площадях выступали циркачи и кукольники и продавались вкусные сладости. И даже Гертруда, как мне показалось, несколько воспряла духом.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/ogurechnyi-biznes-popadanki-b470915>